

ЭО, 2012 г., № 5

© В.В. Ушницкий

ФОРМИРОВАНИЕ МАГИСТРАЛЬНОЙ ЯКУТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: этнос, расселение, субэтносы, локальные группы, северные и вилуйские якуты, магистральная группа

В статье рассматриваются вопросы расселения якутов-саха на территории Якутии и на прилегающих территориях. Затрагивается проблема формирования эсеевских, вилуйских и северных групп якутов и принадлежности долган к якутскому народу. Проблема формирования якутской народности изучается на основе осмысления теории магистральная и локальной культур А.В. Головнева.

Расселение якутов по всему Северо-Востоку Сибири было предметом монографического исследования А.С. Парниковой (*Парникова* 1962). В знаменитом труде Б.О. Долгих приводятся данные по численности и расселению якутского населения в XVII в. (*Долгих* 1960). Есть отдельные исследования по происхождению вилуйских (*Николаев* 1957), колымских (*Старостина* 2009), оленекских и анабарских (*Гурвич* 1977) якутов. К XIX в. относится появление классических трудов по локальным группам центральных (*Серошевский* 2004), верхоянских (*Худяков* 1969) и вилуйских (*Маак* 1994) якутов. Но в целом, осмысление формирования якутского этноса на всей территории обитания и возникновение его различных этнолокальных групп еще не стали объектом цельного научного изучения. Нуждается в изучении и менталитет различных территориальных групп якутов, их роль в культурной и в политической жизни Якутии. В этой небольшой статье предлагается лишь краткий обзор якутского мира на Северо-Востоке России и постановка проблемы его изучения.

Только динамичная культура, способная установить контроль над огромной территорией, могла освоить ленскую магистраль. Долина Лены является северным вариантом Великой Степи. Новые мигранты, которые появлялись на Лене, вступали в противоборство с прежней доминантной группой, их успех в конкурентной борьбе сулил победителям власть над всей долиной Лены (*Головнев* 2009: 103). По фольклорным данным, зафиксированным в трудах В.Л. Серошевского, И.Г. Гмелина и Г.Ф. Миллера, около Гусельных гор близ Патомы при переселении якутов с юга, произошло кровопролитное сражение с тунгусами, стремившимися воспрепятствовать проникновению якутов на их земли (*Серошевский* 1993; *Миллер* 1937; *Миллер* 2009: 54). Победа в битве якутских боотуров дала им возможность проникнуть на территорию Среднеленской долины.

Тюркоязычные предки саха на Средней Лене появляются в качестве небольшой тюркской колонии после установления контроля монгольской этносферы над локальными культурами Саяно-Алтая и Байкальской Сибири и формирования магистральная культуры практически на всей территории евразийских степей. По фольклорным источникам, легендарные прародители якутского этноса Элэй и Омогой и их потомки проживали в благоприятных для ведения скотоводства районах – в трех богатых долинах Среднеленского бассейна. В первой половине XVII в. в долинах Туймаада и Эркээни расселялись потомки Элэя кангаласцы, с которыми принято связывать тюркский компонент в составе саха. В долине Энсиэли располагался Намский улус (в до-

кументах XVIII в. термин “волость” заменяется термином “улус”). Намцы согласно якутской генеалогии считаются потомками Омогоя, которого принято считать олицетворением монгольского компонента. Оттесненные или изгнанные из метрополии отдельные кланы-семьи обживали таежные области Амгино-Алданского бассейна. Однако именно в этих местах расположены памятники кулун-атахской археологической культуры, показывающие появление в этих местах скотоводческого населения уже в XIV–XV вв. (Гоголев 1993).

Именно аласы – карстовые долины, возникшие посреди тайги из-за таяния ледника, обязательно имеющие посредине озеро, стали колыбелью якутского этноса. Многочисленные аласы Центральной Якутии якутские скотоводы приспособили для расположения сайылыков (летников) и кыстыков (зимников), а также сенокосных и пастбищных угодий. В итоге аласы стали отождествляться с сенокосными угодьями с якутской усадьбой на возвышенности. Появляются даже версии об искусственном происхождении аласов в результате деятельности человека, настолько они стали ассоциироваться с ведением скотоводческого хозяйства. Но аласная культура Центральной Якутии – это локальная, оседлая скотоводческая культура. Для превращения локальной культуры скотоводов в магистральную культуру необходимо было накопить опыт ведения скотоводческого хозяйства и опыт его выживания в условиях Крайнего Севера. Особенно важны умение заготовить сено в трудных условиях, а также – вести комплексное хозяйство, сочетающее скотоводство с охотой и рыбалкой. Этим всем и уникальна якутская культура, которую мы можем назвать “арктической скотоводческой цивилизацией”.

Утверждение А.В. Головнева, что более сложным испытанием для группы мигрантов было не овладение центром, а установление контроля над системой путей, подтверждается якутским примером (Головнев 2009: 103–104). На рубеже 30–40-х годов XVII в. якутское население присутствовало на следующих территориях: в центральной части Якутии, в верховьях и среднем течении р. Яны, в районе устья р. Олекмы, в низовьях р. Вилюя, а также в районе Жиганска и устья р. Молоды и на Оймяконе (Парникова 1962). К моменту прихода в регион русских этим населением уже был установлен контроль над системой дорог. Якуты располагались небольшими колониями на основных магистральных путях. Овладев долинами Среднененского бассейна – продолжением степной ойкумены, якуты не сразу стали доминирующей силой на территории всей Якутии, им еще предстояла долгая и упорная борьба за всю эту огромную территорию, что позволило их культуре превратиться из локальной в магистральную. Сама огромная территория Северо-Востока Сибири как бы создана для существования магистральной культуры. К XVII в. ее территорией завладели тунгусы, распространение воинственных групп охотников тайги и оленеводов совпало с движением с запада русских промышленников и казаков. Многочисленные родовые группы тунгусов появлялись на далеких окраинах Северного края, постепенно полностью окружив якутскую ойкумену на территории Центральной Якутии. Магистральная культура тунгусов поражает масштабом своего распространения – от Оби до Камчатки и Охотского моря, от Колымы до Маньчжурии и Забайкалья. Локальные группы тунгусов были максимально приспособлены к своей среде обитания и адаптированы к экологии края: были группы пеших охотников (западные тунгусы), оленеводы (эвены), охотники на морского зверя, передвигавшиеся на собаках (охотские тунгусы), скотоводы (тунгусы Забайкалья), земледельцы (тунгусы Маньчжурии). В древности, на территории Якутии была распространена единая археологическая культура (сумнагинская, белькачинская, ымьяхтахская, усть-мильская культуры). Поэтому предполагается, что предкам юкагиров тоже когда-то принадлежала магистральная культура, распространенная на всей территории Северо-Востока Сибири (Степанов 2004: 145–153; Головнев 2009: 101–103).

Вилюйская этнолокальная группа. Обычно при формировании народа на окраину вытесняется род или племя, так и не ставшее своим, однако считающееся уже частью формирующегося народа, его язык и культура не сильно отличается от языка и культуры головного этноса. Архивные документы XVII в. отмечают существование на Вилуе группы “пеших” якутов, занимавшихся рыболовством и охотой (Долгих 1960: 460–462). В отношении этой группы Б.О. Долгих пришел к выводу, что общим племенным названием якутов Средневилюйского зимовья является тумат, к ним он относил роды тагус, кыргыдай, кирикей, онтул, лучинцев и олес (Долгих 1960: 468–469). Поэтому распространено мнение, согласно которому термин “тумат” является собирательным общим названием большинства вилюйских якутов (Николаев 1957: 94–96). Эти письменные сведения подкрепляются и фольклорными источниками. По преданиям, записанным Г.В. Ксенофонтовым на Сунтаре, легендарная прародительница вилюйских якутов Дьяархан или Дьяардаах была не якуткой, а иноплеменницей-туматкой. Согласно фольклорному сюжету, прародителями многочисленных жарханцев являются сыновья бабушки Дьяархан (Ксенофонтов 1992: 105–107).

Есть сюжет, в котором, напротив, Дьяардаах (Дьяархан) – ньурбачаанка, а ее враги – туматы. Письменные данные свидетельствуют о проживании тунгусского рода ньурбачаан (нюрмаган, нерумнялы) и туматов на Среднем Вилуе. В то же время антропоним *Дьяардаах* восходит к названию рода *дьяархан*, который в XVII в. фигурирует как Ярканская волость. Ярканцы (дьяархан) и бордонцы (люди тойона Бойдон) считаются близкими к кангаласцам и возможно принадлежали к их числу. В 30–40-е годы XVII в., бордонцы и дьяарханцы спасаясь от преследования казачьих отрядов, уходят на реку Сииттэ, потом доходят до горно-таежных районов Вилуя. Именно эти три рода (туматы, ньурбачааны, дьяарханцы и бордонцы) могли стать этнической основой вилюйской группы якутов. По подсчетам Г.В. Ксенофонтова, в начале XVIII в. жарханцев было 200 человек, к концу XIX в. их становится 45 000 (Ксенофонтов 1992). Фантастическое увеличение численности жарханцев и бордонцев, составивших основу жителей Сунтарского и Нюрбинского улусов можно объяснить только тотальным оякучиванием эвенкийских родов, густо населявших эти районы к приходу казаков. Среди вилюйских якутов есть наслеги, которые называются Сологон, Угулээт; эти имена образованы от названий соответствующих родов тунгусского происхождения: шологонов и увлятов (фугляды), как они назывались в русских документах XVII в.

Захват всей территории бассейна Лены означал не вытеснение туземного населения, а его подчинение влиянию центра. Единство восточносибирских культур было связано с их централизацией, основанной на высокой мобильности ленских доминантных групп (Головнев 2009: 103–104). В XVII в. существовал военный фронт якутов против юкагирских и тунгусских родов. На Вилуе в 40-е годы с устья Сины реки переселялись кангаласские князцы Бойдон, Оросий и Трека; поводом для переселения послужило убийство ими служилых людей (Парникова 1962). Именно кангаласские роды якутов, приток которых на Вилуе увеличился после подавления антивоеводского восстания, во главе которого стоял Дьэллик (в документах – Дженник), стали ядром вилюйской группы якутов. По данным С.И. Николаева, в район Средневилюйского зимовья в XVII в. переселялись “подгородные” саха, среди них большинство составляли кангаласцы. В свою очередь, прежние якутоязычные насельники Средневилюйского зимовья (туматы) вытеснялись в пределы будущего Верхневилюйского и Мархинского улуса (Николаев 1957: 94–96).

По данным исследования В.Н. Иванова, нюрбинские якуты были выходцами преимущественно из Кангаласской волости. Этим можно объяснить тот факт, что в преданиях нюрбинских и сунтарских якутов, а также вошедших в состав соседних улусов исчезнувших Мархинского, Северо-Вилюйского и Хочинского улусов прекрасно сохранились старинные сюжеты о прародителях саха Омогое и Эллэе, а также о Тата-

ар-тайме и Хара-Тюмэне. По подсчету Г.П. Башарина, из 38 перечисленных волостей Верхневилуйского улуса 6 носили тунгусские наименования, а 32 – такие же наименования, как и центральные якутские волости, расположенные на территории Намского, Кангаласского и других улусов (Иванов 2005: 129). Таким образом, в формировании вилюйских саха, участвовали переселенцы из Кангаласского и других якутских родов, а также ассимилированные ими аборигены края – потомки тунгусских родов.

Жители вилюйских улусов Сунтарского, Нюрбинского и Верхневилуйского являются настоящими хранителями старинных якутских традиций, именно в этих улусах даже в советский период ысыахи проводились с соблюдением традиций, они сохранили осуохай и олонхо в первоизданном виде. В таежной зоне Вилюя, мало пригодной для разведения скота, вилюйские якуты создали своеобразную экологическую зону ведения скотоводческого хозяйства, создав сенокосные угодья. Значительное число представителей научной и творческой интеллигенции, политической и экономической элиты из числа коренных жителей Якутии – это выходцы из Вилюйских улусов. Формирование активного творческого потенциала вилюйчан повлекло за собой возникновение у них особенного менталитета и представления о вилюйчанах как об особой группе, коренным образом отличающейся от центральных якутов. Одним из активных творцов такого самоутверждения и создателем собственной истории вилюйчан является Г.В. Ксенофонтов. Он считал, что их этническая история отличается от истории центральных якутов и сформулировал теорию о переселении якутов-оленьеводов с Байкала на Вилюю, а также распространения скотоводческой культуры якутов с Вилюя на Среднюю Лену (Ксенофонтов 1992). В отношении того, как Ксенофонтов формирует этнознание своей локальной группы, характерным является его утверждение, что вилюйчане были “полутунгусами” или “полутуматами” (Ксенофонтов 1992).

После появления русских в крае и установления ясачной повинности, начинается отток населения из густозаселенных якутских волостей на далекие окраины. Из якутской метрополии на окраины Ленского края в основном мигрировала наиболее пассионарная часть сильных и известных родов, оказавшая сильное сопротивление казакам, будучи преследуемой воеводской властью за неповиновение. Так, например, широко расселились по всей современной территории Якутии батулинцы, оказавшие упорное сопротивление отрядам казаков атаманов И. Галкина и П. Бекетова. Поэтому название “боогулу” зафиксировано у вилюйских, оленекских, жиганских и усть-янских групп саха (Васильев 1985: 31). Эгинцы Верхоянского улуса также считаются подразделением батулинцев (Долгих 1960: 376, 463).

Ковьяйская этнолокальная группа озерных якутов. Якутию, как и Карелию, называют страной озер. Освоение богатых карасями озер привело к формированию общности озерных якутов. Озера, наряду с богатыми сенокосными угодьями вокруг них, предоставили якутам возможность активно заниматься рыболовством. Это стало одной из этнодифференцирующих особенностей хозяйства Вилюйских и амгино-алданских якутов. Многочисленные озера расположены на территории Горного и Ковьяйского улусов, поэтому здесь сформировалась своеобразная озерная культура, опиравшаяся на традицию подледного рыболовства с помощью сетей – мунха. Экологическая адаптация к озерному пространству привела к формированию локальной культуры ковьейских якутов (к которым можно причислить часть якутов Горного и Жиганского улусов), отличающейся сочетанием рыболовства и охоты с разведением лошадей и крупного рогатого скота.

Географический фронт между людьми долины и леса как естественный фактор фигурирует уже в фольклорных версиях расселения якутов. По рассказам жителей наслега Куокуй Ковьяйского улуса, Куокуй был одним из отважных хоһуунов саха времен Эллэя, прибывшим из Кангаласского улуса, который изгнал тунгусов с их земель (Захаров 2000: 48). С переходом части аборигенных, тунгусских родов на скотовод-

ческий образ жизни, среди окраинных якутов появляются сюжеты, относящие их появление к временам якутского “царя” Тыгына, в связи с бегством на окраины в результате ссоры с ним. Как повествуют фольклорные источники, в Ковяйском крае доминировали майааты под предводительством Бадьяайы, Куокуйа и Тыайа. Воинственно настроенные люди Таас Бас Бадьяайы уничтожали всех попадавших им на пути. В более поздний период выделяется прославленный бесстрашный воин Дагдагар Боотур (Захаров 2000: 46–51). Майааты (маяты) якутского фольклора отождествляются с ваяндырами, эвенкийским родом уральского происхождения (Туголуков 1980, 1985). Основателем 1-го Лючинского наслега Ковяйского улуса считается Тога (Дога, Лога), воин Тыгына, поселившийся там вместе со своими братьями и людьми (кангаласцами) еще до появления казаков (Ковяйский улус 2007: 296–320).

Северные (колымские, янские, оймьяконские, момские) якуты. Якутская тайга – ее просторы – манили новых насельников края. Но в таежной зоне перемещались многочисленные роды тунгусов, представлявшие собою пешие охотничьи группы, поэтому столкновения с воинственными тунгусами были неизбежны. Люди фронта, должны были обладать редкой сноровкой и отвагой, быть готовы встретиться в тайге один на один с диким зверем или с недружественной, бродячей группой. Якутский фольклор полон рассказов об удалцах, проникавших на свой страх и риск в новые неизведанные края. Обычно якутский фольклор повествует о проникновении якутских боотуров в новый край, связывая это событие с эпохой Тыгына. Так в XVIII–XIX вв. с формированием народа саха возникает единый цикл преданий о прародителях Эллэе и Омогое и Тыгыне – предводителях якутских родов, от которых якуты бегут на север и на Вилюй. Анализируя предания северных якутов о бегстве на север в результате поражения Тыгына, С.И. Боло сделал вывод о расселении якутов на Индигирке до прибытия русских в Центральную Якутию (Старостина 2009: 20).

В Якутии есть и немало горных районов. Поэтому здесь сформировались особые локальные группы горно-таежных якутов. В Верхоянских горах еще до прихода русских проживали люди родов Байды и Дьунаал. По фольклорным данным, на месте наслега Табалаах еще до прихода русских здесь жили представители родов Мээтис, Байды, воинственные кочевники Бэдэр (Рысь), Кююрэ, Хоро. Рассказывается о вражде между байдынцами и хоро. Когда байдынцы произвели смотр своего войска на берегу озера, лед не выдержал тяжести закованных в броню воинов, сидящих на конях (Колосов 2003). Примечательно, что в легенде о происхождении верхоянских якутов упомянуты те же хоро и боотулу.

Якутские предания связывают переселение в Янское плоскогорье с постоянными войнами якутов против тунгусов и ламутов (Худяков 1969: 113). Янские якуты были обнаружены уже первыми служилыми людьми, побывавшими на р. Яне. Самая ранняя ясачная книга жителей Яны называлась “Список с книг с янских что привез с моря от Елески Юрьева Пронка Лазарев слово в слово”. В ней поименовано свыше 60 якутов-ясакоплательщиков (Парникова 1962). Локальная группа верхоянских якутов замечательна тем, что они организовали скотоводство и коневодство на Крайнем Севере, в арктических условиях. Исследователями многократно отмечалось, что историческая роль якутов состоит в том, что они распространили в Приполярье и Заполярье скотоводческий тип хозяйства (Казарян 2008).

Уменьшение количества пушнины и зверей в Центральной Якутии являлось причиной продвижения якутского населения на Северо-Восток Якутии. Это приводило к столкновениям якутов с юагирами и тунгусами. Причиной массового прорыва якутов на Вилюй и на север, В.Л. Серошевский считал исчезновение тунгусских родов, которое ранее не давало якутам возможности проникать в чисто таежные регионы (Серошевский 1993). На протяжении XVII в. среди аборигенных народов неоднократно свирепствовала эпидемия оспы, юагирские и тунгусские роды становились малочисленными. Пустующие земли огромной территории Якутии в XVIII и XIX вв.

стали осваиваться якутскими переселенцами. В Центральной Якутии уже не хватало земель для сенокосных и пастбищных угодий для увеличивавшегося населения. Поэтому в хозяйственный оборот вводились все новые территории, где только можно было вести скотоводческое хозяйство. Исчезновение соболя в районах Центральной Якутии заставляло плательщиков ясака перекочевывать в богатые пушным зверем периферийные районы (бассейны Вилюя, Лены, Олёкмы, Алдана, Учкура и др.) (Казарян 2008).

Якуты Баягантайского рода, проживавшие на периферии якутской земли по р. Татте, первыми основали свои колонии по северным рекам Оймякон и Томпо. К приходу русских в 1641 г. на Оймяконе уже проживали якуты. Посланный из Якутского острога Михаил Стадухин с отрядом получил на Оймяконе ясак от якутов и от “Мемельских тунгусов”. В ясачной книге оймьяконских жителей 1641 г. записано более двух десятков якутов (Парникова 1962). Территория современного Томпонского района в XVIII–XIX вв. включалась в состав Баягантайского улуса. Историк Б.О. Долгих указывал, что по ясачным документам примерно на современной территории района по берегам Алдана жил коринский род якутов, в памяти атамана О. Галкина упоминается князец Сокуй (Томпонский район 2007: 41).

Архивные данные свидетельствуют о том, что проникновение якутов в далекие северные края происходило после подавления антивоеводского восстания кангаласских якутов под предводительством Дженника в 1670 г. Поэтому роль кангаласцев как активных борцов против казачьего завоевания в освоении вилюйских и северных районов Якутии неопценима. Можно восхищаться отвагой русских землепроходцев, открывавших все новые земли, но нельзя забывать о том, что гораздо большие трудности стояли перед якутскими охотниками и боотурами, которые вслед за ними проникали в новые регионы. Иногда они даже предшествовали землепроходцам. Интересным является вывод С.И. Боло, возводившего название якутского рода Мээтис к слову “мятежник”, объясняя это тем, что этот род – это потомки участников восстания Дженника. О якутах Колымского и Верхоянского округов ссыльный И. Шкловский в 1892 г. писал: “10 тысяч якутов, живущих здесь, потомки беглецов, спасшихся после страшного разгрома, который потерпели в начале XVIII в. инсургенты, восставшие под предводительством главы Кангаласского улуса Дженника... Оставшиеся убежали на Крайний Север” (цит. по: Старостина 2009: 20).

Опыт ведения скотоводческого хозяйства в условиях арктической зоны Оймякона, Колымы и Верхоянья, является своеобразным “рекордом” в области приспособления человека к экстремальным природным условиям, так как это – опыт создания производящего хозяйства в самых суровых условиях из всех возможных. Северные якуты вывели верхоянскую породу якутской лошади, отличающуюся особой густотой шерсти и жирностью мяса. В Колымских зимовьях якуты появляются уже в начале XVIII в. Якуты в качестве ясакоплательщиков на Индигирке упоминаются с начала 60-х годов XVII в. (Парникова 1962). Согласно сказанию местных жителей Аллаиховского района, первых русских на Индигирку привел якут по имени Эрэк – Черок (Аллаиховский улус 2005: 36).

С появлением якутского населения на Яне, Колыме и Индигирке происходит ассимиляция юкагирского населения, появляются новые роды на основе смешения якутов и юкагиров. Краевед М.А. Старостина выдвинула гипотезу об оякучивании юкагирского рода янгинцев. Она пришла к такому выводу потому, что районы расселения якутов-енгинцев (энэлэр) и “юкагиров-янгинцев” на Индигирке совпадают. В документах юкагиры – янгинцы постепенно исчезают, а якуты-енгинцы появляются в бассейнах всех крупных рек Северо-Востока (Старостина 2009: 12–13).

Ассимиляционные процессы в тунгусо-якутском пограничье. Так локальная скотоводческая культура якутов, постепенно осваивая пути по северным рекам, распространялась по территории всей Якутии, превращаясь в магистральную культуру, а

огромный таежно-тундровый регион, бывший ранее тунгусским и юкагирским, становился этнически якутским. В Вилюйском округе “тунгусские роды”, за исключением ряда тунгусских по происхождению наслегов, представляли собой якутские наслеги, объединившие кочевое оленеводческое население. Они лишь по своему роду занятия – оленеводству – “относились” к тунгусам. Это обстоятельство уже отмечалось в литературе. П. Кларк еще в 1861 г. писал, что среди вилюйских тунгусов существует группа, которая лишь называется тунгусами, но ни жилищем, ни обычаями, ни одеждой, ни языком не отличается от якутов. Наслеги, именовавшиеся в Жиганском улусе и Туруханском крае якутскими, в Вилюйском округе именовались тунгусскими (Кузнецова 2004). Так был преодолен культурный фронт между культурными традициями оленеводов-тунгусов и скотоводов-якутов.

Язык магистральной культуры становился вторым языком локальных групп (Головнев 2009: 21). Так, например, мы видим, что группы олекминских, вилюйских, усть-майских тунгусов переходят на якутский язык, интегрируясь в общеп якутскую культуру. С ассимиляционными процессами и распространением якутов-оленеводов по тундровой зоне в северных и в вилюйских улусах, термин “тунгус” стал употребляться в качестве синонима “кочевника-оленевода”. Этнического смысла в этот термин якутское население не вкладывает, рассматривая эвенков, переписанных тунгусами, в отличие от якутов-скотоводов, как совершенно чужую, неродственную оленеводам-якутам, народность. (Гурвич 1977: 26–27). Однако тунгусоязычные группы, становившиеся скотоводами, перенимали якутский язык и культуру. В то же время группы оленеводов, имевших своими предками переселенцев из Центральной Якутии, кочевников, осваивавших огромные пространства Северо-Востока Азии, стали называться “тунгусами”. Хозяйственная деятельность стала определяющим при этническом обозначении, языковая и даже генетическая составляющая при этом отошли на второй план.

Способность якутов к ассимиляции отмечали все дореволюционные исследователи. В исследовании Р.К. Маака утверждается, что все тунгусы Вилюйского округа в его время говорили на якутском языке, и только живущие на горных хребтах левых притоков Вилюя и Оленека знали родной язык. Даже большинство русских, поселившихся среди якутов, совершенно оякучивались, утрачивая родной язык, и даже по образу жизни, нравам и склонностям становились похожими на них (Маак 1994: 197).

В своей капитальной монографии Патканов на основе данных переписи 1897 г. писал о том, что тунгусы Вилюйского округа разводят исключительно рогатый скот. В последней трети XVIII – первой трети XIX в. шел процесс приобщения части тунгусов Якутского, Вилюйского, Верхоянского и Колымского округов к скотоводческой культуре. Разведением сравнительно многочисленного рогатого скота и лошадей занимались алдано-майские тунгусы Якутского округа. Приобщение к скотоводческой культуре способствовало оседанию части тунгусов (Баширин 1957: 125).

Якуты первыми из народов Северо-Востока Сибири не только признали российское владычество и адаптировались к новым реалиям, но и воспользовались присутствием русских, которое помогло им выйти за пределы ареала своего проживания и освоить новые для себя территории, вытеснив представителей других этносов. Ассимиляция тунгусского и юкагирского населения якутами привела к появлению населения, идентифицирующего себя с малыми народами Севера, однако имеющего в качестве родного языка только якутский. Так, уже перепись 1897 г. зафиксировала на Северо-западе Якутии примерно 3000–3300 человек, считавших себя эвенками, но говоривших на якутском языке (Боякова 2009: 155). Такое положение дел еще больше усилилось в советские годы, когда представителям малых народов полагались льготы при поступлении в ВУЗ и для ведения традиционных форм хозяйства.

Якутско-тунгусское соседство на окраинах Ленского края привело к появлению групп населения, вопрос об этнической идентичности которых является сложным и дискуссионным. Это оленекские, алдано-майские, жиганские, анабаро-булунские тунгусы или якуты. Массовая миграция якутов в XVIII – первой половине XIX в. привела к ассимиляции ими значительной части алдано-майских эвенков. Большая часть такого населения считалась эвенками, но их язык, формы хозяйства и быта имели “якутский характер” (Тураев 2009: 92). Преобладающим типом хозяйственной деятельности у алдано-майских тунгусов было скотоводство; согласно записям участника Якутской комплексной экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. В.Н. Васильева, они ездили на быках и заготавливали сено (Васильев 1930).

Оленекская этнолокальная группа как пример группы северных оленеводов. В тундровой зоне и в глухой, непролазной таежной зоне Севера быстро передвигаться можно только с помощью оленей. С освоением северного оленеводства якуты получили возможность быстрее передвигаться по таежной и тундровой зоне Арктики, слияние и ассимиляция с тунгусскими и юкагирскими группами стали протекать в более интенсивном темпе. Первые упоминания о наличии среди северо-западных якутов оленеводов относятся к 1739–1740 гг. Сообщения о значительных миграциях якутов с Лены на Оленек, с Оленека на Хатангу, о переходах в Верхне-Вилуйское зимовье являются косвенными свидетельствами в пользу того, что якуты в конце XVII в. уже использовали ездовых оленей (Гурвич 1977: 18).

Северные и вилуйские якуты стали понимать слово “тунгус” как обозначение кочевника-олeneвода, а не как этноним. Однако, как установил И.С. Гурвич во время специальной экспедиции на Север Якутии, якуты-олeneводы являлись потомками переселенцев из центральной Якутии, а тунгусами переписчики их записывали по старой привычке относить к тунгусам все оленеводческие группы (Гурвич 1977: 26). Таким образом, оленекские якуты по языку относятся к якутскому миру, но в том, что касается этнической идентичности, кочевавшие по бескрайним просторам тайги и лесотундры семьи оленеводов и охотников осознавали себя тунгусами (Оленекский улус 2005: 72).

К примеру, в переписи 1926–1927 гг. большинство населения Оленека было названо тунгусами, однако опрос на месте выявил, что все эти “тунгусы” считают себя потомками якутов – выходцев из южных районов Якутии. Из расспросов выяснилось также, что при определении национальности переписчики руководствовались традиционными представлениями старой администрации, причислявшей все население, занимающееся оленеводством, к тунгусам, а скотоводов – к якутам. Сами оленекские якуты понимали причисление их к эвенкам (тунгусам) как отражение их образа жизни, не придавая этому термину в отношении себя этнического смысла (Кузнецова 2004).

В 1950–1952 гг. на страницах “Советской этнографии” развернулась дискуссия по поводу этнической принадлежности северных якутов. Участвовавшие в дискуссии Б.О. Долгих, И.С. Гурвич, П. Терлецкий и И.М. Суслов в своих статьях высказали различные мнения на сей счет. Так, И.М. Суслов пришел к выводу, что население бассейнов рек Оленека и Анабара едино в национальном отношении. Он указывал на ошибочное отнесение на этнографических картах населения Оленека к эвенкам (тунгусам), потому что во время его поездки поступили многочисленные заявления от оленекцев, анабарцев, кирбейцев, есейцев и джелиндинцев о желании быть в составе Якутии и о включении оз. Ессей во вновь образуемый район Якутской АССР. Заявления они мотивировали тем, что они не знают эвенкийский язык, а также своими родственными и культурными связями с вилуйскими якутами (Суслов 1952: 71).

По утверждению И.С. Гурвича, автора двух статей в “Советской этнографии” по данной проблеме, тунгусское происхождение имели роды Бети, Угулят, Сологон и Чорду, так как в них произошло полное смешение эвенкийского населения с якутами,

причем якуты ассимилировали эвенкийское население (*Гурвич* 1952: 80). Б.О. Долгих указывал, что в пределах Оленекского и Анабарского районов, якутов 93%, а если считать якутами и потомков членов наслеха Бети, то якутами окажутся все 100% коренного населения этих районов. Предположение П.Е. Терлецкого о нахождении на Оленеке и Анабаре двух разных (якутской и эвенкийской) этнических групп он считал явным недоразумением (*Долгих* 1952: 90). В этнографической науке возобладали следующие две основные теории относительно времени и условий образования особой локальной группы оленекских северных якутов. Г.В. Ксенофонтов ассимиляцию оленекских эвенков якутами относил к ранней стадии, еще до переселения их из Прибайкалья. И.С. Гурвич считал, что этот процесс закончился к середине XIX в., в результате полной ассимиляции эвенкийского населения региона (*Боякова* 2009: 155).

У северных и вилюйских якутов характерным является исчезновение названий прежних тунгусских и юкагирских родов и появление новых чисто якутских названий родов, не отличимых от центральнойякутских. Например, на рубеже XIX–XX вв. на территории современного Оленекского района кочевали несколько больших родов: Бэти, Чорду, Осогостох, Ботулу, Шологон, Еспех, Тэгэ и другие (*Боякова* 2009: 155).

Обезлюдившие из-за оспы промысловые угодья Северо-Запада в 1650–1660-х годах стали заселяться якутами. Большинство составляли якуты Кангаласской и Батулинской волостей. Тундровые и лесотундровые районы Нижней Лены, Оленека и Анабара, непригодные для привычного якутам коневодства и скотоводства, привлекали якутских бедняков обилием рыбных запасов и возможностью добывать диких оленей на переправах через реки (*Гурвич* 1977: 13). Якуты в Анабарской тундре упоминаются в ясачных книгах начиная с 1678 г. На Хатангу, текущую западнее р. Анабар, якутское население проникло в конце XVII в., когда туда перешли 20 староплатежных жиганских якутов. На протяжении XIX в. районы Северо-Запада Якутии продолжали пополняться якутами из центральных волостей, они даже доходили до р. Хатанги (Анабарский улус 2005: 64). Северные якуты-оленеководы Северо-Запада насчитывали 3 600 человек. На территории Булунского района (улуса) кочевало около 1 220 якутов (*Гурвич* 1977: 26).

Оленекские и ессейские якуты и тунгусы-оленеководы тундру использовали лишь как территорию для летнего кочевания и охоты на диких оленей, а на время зимних морозов уходили со своими стадами далеко в глубь лесов. Судя по маршрутам кочевков ессейских якутов, оленеководы осваивали очень обширную территорию. Они оседло жили только в наиболее холодные зимние месяцы, а остальные восемь месяцев все время перекочевывали с места на место (*Кузнецова* 2004). По мнению И.С. Гурвича, к приходу русских в бассейнах рек Оленека, Анабара и Нижней Лены олени использовались как средство передвижения (*Гурвич* 1977: 51).

Локальные культуры северных и вилюйских якутов имеют особенности, связанные с необходимостью экологической адаптации к естественной среде своего обитания. Везде, где только природные условия позволяли заготавливать сено, якуты занимались разведением крупного рогатого скота и коневодством, сочетая рыболовство и охоту. В тундровой зоне они переходили к олениководству. Для локальных культур Севера Якутии и зоны Вилюя, Алдано-Майского района магистральная культура служила выгодным торгово-экономическим партнером. Якутские купцы из центральных улусов проводили свои торговые операции по всей территории Якутии, часто выходя за ее пределы на территорию Сахалина, Амура и Туруханского края.

Якутоязычные этнолокальные группы Красноярского края. В процессе освоения Севера часть саха оказалась за пределами современной Республики Саха (Якутии). Одной из таких этнолокальных групп народа саха являются ессейские якуты, оказавшиеся волею судеб на территории Красноярского края у озера Ессей. Последнее расположено за Полярным кругом в бассейне реки Котуй на Севере Эвенкийского автономного округа. Этнолокальная группа ессейских якутов, отличающаяся от

основного ядра саха типом хозяйства и образом жизни, но не языком, переселилась на оз. Ессей в Красноярском крае в середине XVIII в. из бассейнов рек Оленек и Анабар и составляет единое этническое целое с народом саха. В частности, ессейцы связаны общими родовыми корнями с оленекскими якутами и являются как бы западным авангардом этноса саха, освоившего в недавнем прошлом просторы Севера от Таймыра до Чукотки (Кузнецова 2004).

Комплиментарность якутов по отношению к русскому населению также весьма способствовала широкому распространению якутов. Например, они появились в Енисейской губернии (современном Красноярском крае). По данным историков, в конце XIX в. в Енисейской губернии представителями якутской народности являлись 2 рода: Нижнезатундринский (216 мужчин и 272 женщины), кочевавший по берегам рек Хатанги, Хеты и Анабара и Шорохинский (63 мужчины и 37 женщин) (Анабарский улус 2005: 65). Местное население Хатанго-Анабарского края кочевало тремя локальными группами, которые отличались друг от друга названием и местом обитания: джессейская, саскылахская и анабарская группы (Анабарский улус 2005: 66).

Во время экспедиции в верховья Вилюя жители Хочинского улуса рассказали Г.В. Ксенофонтову бытовавшее среди них предание о бордонских якутах, отправившихся с прошением в Москву, но в пути осевших в Туруханском крае (Ксенофонтов 1992: 54–55). В Красноярском крае со второй половины XVIII столетия начинают упоминаться в литературных источниках шарохинские якуты. В известном труде И.Г. Георги, впервые изданном в конце семидесятых годов XVIII в., автор о туруханских якутах пишет: “127 ясаших душ живут при реке Енисее около Мангазея” (Саввинов 2008).

Якутско-тунгусское пограничье на Вилюе и на севере способствовало формированию долганской народности – якутоязычного этноса, проживающего на Таймыре. Этнографы Б.О. Долгих, И.С. Гурвич, Ф.М. Зыков, сошлись в том, что “долганы – это субэтнос народа саха (якутов), который произошел в результате смешивания саха и эвенкийского племени долган в низовьях Енисея” (Анабарский улус 2005: 66). По своей материальной и духовной культуре, а также по языку долганы очень близки северным якутам-оленеводам, особенно – ессейским якутам, проживающим на Северо-Востоке Эвенкии на границе с Таймыром (Бахтин, 2004: 62). Исследователи, заявляющие о самостоятельности долганского этноса, настаивают на том, что помимо якутов в их этногенезе участвовали тунгусы, самоеды (тавги) и русские крестьяне. Однако участие тунгусов, русских переселенцев и аборигенов тундры прослеживается в этногенезе всей локальной группы северных якутов, а юкагиры замещаются тавгами-самодийцами. В первой половине XVII в., тунгусский род долган упоминается вместе с якутами, видимо уже тогда происходил процесс их оякучивания. В результате миграции долган на Таймыр, этот этнос после длительного изолированного существования в самодийско-русском пограничьи стал восприниматься как отдельный народ.

Образование якутской магистральной культуры или якутской нации на Северо-Востоке Азии. Включение территории Амурского края и Сахалина в состав Российской империи также вызвало миграцию части якутов на эти новые земли. Исследователи связывают тенденцию расселения якутов в бассейнах Амура и Алдана (по южным притокам) с развитием с 70-х годов XIX в. золотопромышленности в этих районах. Расселение якутов шло в районах золотых промыслов в бассейнах р. Зеи, Буреи и Амгуни. Кроме якутов-торговцев перекочевали также в систему Буреи якуты-охотники. Всего тех и других насчитывалось до 500 душ обоего пола (Казарян 2008). При этом надо напомнить, что территория Якутской области была значительно шире до отторжения земель, населенных якутами в 20-е годы XX в., соседними областями после обнаружения там запасов золота и других ресурсов. Левый берег Лены от села Витим до станции Жербовская и Сунтаро-Олекминского улуса, был населен пеле-

дуйскими и нюйскими якутами. Район проживания патомских и чаринских якутов до 1899 г. входил в состав Якутской области (Антонов 1999).

С приходом в край русских казаков и крестьян, а потом – ссыльных разных национальностей – сложился культурный и социальный фронт между русскоязычным населением края и якутами. Образовались метисные группы так называемых “бааһынаев” (“пашенных”). Население целых районов принято относить к таким метисным, пограничным группам. К ним относят часть олекминцев, потомков ямщиков и крестьян, усвоивших якутский язык, колымчан, активно смешавшихся со старожильческим населением, амгинцев, у которых еще с XVII в. существовали крестьянские земледельческие хозяйства. Людей европейской внешности – потомков русских, принадлежавших к разным сословиям (казачеству, духовенству, крестьянству, мещанам и староведам) можно встретить в приграничных с Якутском улусах: в Намском, в Кангаласском. Царское правительство массово отправляло в ссылку в центральные и Вилюйские районы Якутии башкир и татар, потом – казахов, которых тогда называли киргизами. Близость языка и скотоводческой культуры способствовала их быстрой ассимиляции с якутским населением. Исследователи отмечали наличие в якутском фольклоре мотивов, идентичных тем, которые встречаются в эпосе кыпчакоязычных народов “Идиге и Тохтамыш” (Ахметова 1979). В генеалогии потомков Элэя встречаются эпонимы, совпадающие с шежере казахского рода сундук (Инсебаев, Кажибеков 1984). Такие параллели объясняются наличием кыпчакского компонента в этногенезе саха, но возможно, что здесь мы видим прямое заимствование из башкирского (татарского) фольклора и казахской генеалогии.

Основными компонентами, из которых складывается современная структура якутского этноса, являются центральные якутские “улусы”, роды-этникосы – хангаласцы, мегинцы, баягантайцы, батурусцы, намцы, борогонцы. Именно они выступают этническими составляющими трех территориальных макрогрупп якутского народа – центральных или средненеленских, вилюйских и северных якутов. Основу вилюйской группы якутов составили переселенцы из Кангаласского, Намского и Батурусского улусов. Ведущими компонентами в образовании различных групп северных якутов, занимающих обширную территорию выступают те же кангаласцы, еще баягантайцы, борогонцы.

В результате расселения якутов по Северо-Востоку Сибири, их численность с 28 500 (по оценке Б.О. Долгих) в первой половине XVII в., увеличилась до 226 тыс. в 1897 г. по Первой всеобщей переписи населения России. Увеличение численности якутского населения связано с расширенным освоением земель, удобных для скотоводства и оленеводства. Победа якутского языка и скотоводческой культуры не только над языком и культурой представителей коренных этносов (тунгусов, ламутов и др.), но и представителей европейских наций (русских, украинцев, поляков, татар, башкиров и др.) – была связана с превращением локальных групп в единую магистральную культуру. В условиях Сибири это считается своеобразным якутским феноменом (Казарян 2008). Только по подсчету А.Е. Кулаковского, якутский язык уже в XIX в. насчитывал 2300 русских заимствований (Кулаковский, 1946). Заимствования из русского языка уже в дореволюционный период настолько органично вошли в якутский язык, что порой трудно проследить их русские корни. Это такие общеупотребительные слова как сибэки – цветы, саһарга – заря, эбэһээт – обязательно, баһыбыа – спасибо, баһаалыста – пожалуйста, дорообо – здравствуй и т.д. Таким образом, локальная культура якутов XVII в. в ходе своего распространения на территории Северо-Востока Сибири и превращения ее в магистральную культуру усваивает лексику и культурно-хозяйственный быт тунгусов (эвенков), юкагиров и русских Севера, ассимилируя представителей этих народов. А.В. Голвнев считает магистральные культуры юкагиров и эскимосов арктической цивилизацией; безусловно, покорение неосвоенных пространств, покрытых снегом и льдом, имеет для всего человечества неопределимое

значение (Головнев 2009), но привнесение якутами в эти суровые условия воспроизводящего хозяйства (скотоводства) можно считать настоящим прорывом в цивилизационном освоении Севера. Поэтому в якутскую культуру спокойно и быстро интегрировались русскоязычное земледельческое население края и охотничье-оленьеводческие кочевые хозяйства.

Таким образом, с распространением скотоводческой якутской культуры на Северо-Востоке Сибири идет формирование новой магистральной культуры на арктической территории. Якутский язык и культура сохранили особенности, сформировавшиеся в результате ассимиляционных процессов, происходивших на территории Якутии. Из средневековой народности в эпоху распространения капиталистических отношений в XIX в., якутский этнос превращается в нацию. В таком же ключе происходили этногенетические процессы в Сибири. Буряты в XVII в. обитали только в Предбайкалье, их название переняли хамнеганы Восточного Забайкалья, монгольские роды Западного Забайкалья, роды тунгусов и тюркоязычных сойотов. В итоге в Байкальском регионе сформировалась бурятская нация. В советский период в Южной Сибири сформировались тюркоязычная алтайская и хакасская народности, а чуть ранее – тувинская народность. Однако локальные культуры, замкнутые в пределах Алтайских и Саянских гор, Минусинской котловины так и не объединились в единую магистральную культуру. Просьбы о создании единой тюркской автономии в Южной Сибири в 20-е годы XX в. можно расценить как попытку консолидации тюркоязычных этносов данной территории в единую нацию.

Наличие крупной тюркоязычной нации в пределах Северо-Востока России вместе с созданием Дальневосточного федерального округа и планами разукрупнения регионов является укрепляющим фактором влияния России в Арктическом регионе. Активная миграция из республик Средней Азии и Закавказья в города Якутии приводит к увеличению числа тюркоязычного населения региона и необходимости формирования тюркского анклава в северных регионах.

Литература

- Аллаиховский улус 2005 – Аллаиховский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2005.
- Анабарский улус 2005 – Анабарский улус: история, культура, фольклор. Якутск: Бичик, 2005.
- Антонов 1999 – Антонов Е.П. Отторжения якутских земель. Были ли они обоснованы? // Илин. 1999. № 1–2. С. 34–35.
- Ахметова 1979 – Ахметова Ф.В. Эпические параллели якутской “Эллэйады” и татарских дастанов // Тезисы докладов к научной конференции “ Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири”. Омск, 1979. С. 168–171.
- Башарин 1957 – Башарин Г.П. Скотоводство и земельный вопрос у тунгусов Якутии в последней трети XVIII – первой трети XIX в. // Доклады и сообщения института истории. М., 1957. Вып. 12. С. 121–127.
- Бахтин 2004 – Бахтин С.А. Проблема дифференциации якутов и долган // Этнос Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы международной научно-практической конференции. Красноярск, 2004. Ч. 1. С. 61–65.
- Боякова 2009 – Боякова С.И. Культура и ландшафт пограничья: феномен оленекских эвенков // Человек и Север: Антропология, археология, экология: Материалы всероссийской конференции, г. Тюмень, 24–26 марта 2009 г. Тюмень, 2009. Вып. 1. С. 154–156.
- Васильев 1930 – Васильев В.Н. Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926–1928 гг. Л., 1930.
- Васильев Ф.Ф. 1995 – Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск, 1995.
- Гоголев 1993 – Гоголев А.И. Якуты (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск, 1993.
- Головнев 2009 – Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Азии). Екатеринбург, 2009.
- Гурвич 1952 – Гурвич И.С. По поводу определения этнической принадлежности населения бас-

- сейнов рек Оленека и Анабара // Советская этнография (Далее – СЭ). 1952. № 2. С. 73–85.
- Гурвич 1977 – Гурвич И.С.* Культура северных якутов-оленеводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977.
- Долгих 1952 – Долгих Б.О.* О населении бассейнов Оленека и Анабара // СЭ. 1952. № 2. С. 86–91.
- Долгих 1960 – Долгих Б.О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Захаров 2000 – Захаров И.И.* Майя, ацтеки, майяаты... История обоснования и закрепления автотонных жителей Средне-Вилюйского субрегиона (VII – конец XVI вв.) // Илин. 2000. № 2. С. 48.
- Иванов 2005 – Иванов В.Н.* Происхождение нюрбинских якутов // Северо-Восток Азии в контексте российской истории: сборник научных статей, ИГИ АН РС (Я), Якутск, 2005. С. 122–130.
- Инсебаев, Кажибеков 1984 – Инсебаев Т.А., Кажибеков Е.З.* Некоторые предварительные результаты сопоставления и анализа названий родоплеменных групп адай и суюндук // Тюркская ономастика. Алма-Ата, 1984. С. 107–108.
- Казарян 2008 – Казарян Л.П.* Об особенностях расселения якутами Северо-востока Сибири в XVII–XIX вв. // Тальцы. Ноябрь 2008.
- Ковяйский улус 2007 – Ковяйский улус.* Якутск, 2007.
- Колосов 2004 – Колосов И.* Былыргы Дьяаны байдылара (Древние янские байдунцы) // Илин. Якутск, 2004. № 1. С. 21–29.
- Ксенофонтов 1992 – Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т. I, кн. 1. Якутск, 1992.
- Кузнецова 2004 – Кузнецова Е.* “Называют себя только, а не иначе, якутами ...” // Илин. Якутск, 2004. № 2. С. 22–25
- Кулаковский 1946 – Кулаковский А.Е.* Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946.
- Маак 1994 – Маак Р.К.* Вилюйский округ. М.: “Яна”, 1994.
- Миллер 1937 – Миллер Г.Ф.* Описание Сибирского царства. Кн.1. М.-Л., 1937.
- Миллер 2009 – Миллер Г.Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А.Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А.Х. Элерт. М., 2009.
- Николаев 1957 – Николаев С.И.* Основные этапы этнической истории вилюйских якутов // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1957. Вып. 27. С. 90–98.
- Окладников 1955 – Окладников А.П.* История Якутской АССР. Т. I. М., Л., 1955.
- Парникова 1962 – Парникова А.С.* О расселении якутов в XVII–XVIII вв. // Сибирь XVII–XVIII вв. Издательство СО АН СССР. Новосибирск, 1962.
- Саввинов 2008 – Саввинов А.И.* Из истории туруханских (шарохинских) якутов // Этнограф. обозрение. 2008. № 4. С. 165–177.
- Сафронов 1987 – Сафронов Ф.Г.* Мирское управление в XVII – начала XX века. Якутск, 1987.
- Старостина 2009 – Старостина М.А.* Колымские якуты в середине XVII – начале XX в. (по материалам генеалогии). – Якутск: Бичик, 2009.
- Степанов 2004 – Степанов А.Д.* Юкагирская проблема в изучении ымыхтахской культуры и эпохи ранних металлов Якутии // Этносы Сибири. Прошлое. Настоящее. Будущее: Материалы международной научно-практической конференции. Ч. 1. Красноярск, 11–13 ноября 2004. Красноярск, 2004. С. 45–153.
- Серошевский 1993 – Серошевский В.Л.* Якуты: Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: 1993.
- Суслов 1952 – Суслов И.М.* О национальной принадлежности населения Северо-Запада Якутской АССР // СЭ. 1952. № 2. С. 69–72.
- Томпонский район 2007 – Томпонский район: история, культура, фольклор.* Якутск: Бичик, 2007.
- Худяков 1969 – Худяков И.А.* Краткое описание Верхоянского округа. Л., 1969.